

² *Myl'nikov A.S. Vznik národně osvícenské ideologie v Českých zemích 18. století: Peameny národního obrození. Pr., 1974. S. 248.*

³ *Мыльников А.С. «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в.: К вопросу о вызревании национального самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формирования нации // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 41–54; ego же. К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах // Расы и народы. Ежегодник. Т. 5. М., 1975. С. 42–55.*

⁴ *Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 173–174.*

А.С. Мыльников

© 1999 г., ЭО, № 4

Воспоминания о М.К. Азадовском / Сост., предисл., примеч. И.З. Ярневского. Иркутск, 1996. 209 с.

В декабре 1998 г. исполнилось 110 лет со дня рождения одного из крупнейших наших филологов – фольклориста, этнографа-сибироведа и литературоведа Марка Константиновича Азадовского. Когда отмечалось 100-летие со дня рождения ученого, авторы статей и заметок о нем констатировали, что три десятилетия, прошедшие со дня его смерти, не приостановили поток публикаций работ исследователя. Продолжали появляться книги (фундаментальный двухтомник «История русской фольклористики». Т. I–II. М., 1958, 1963; сб. «Неизданное и забытое. Статьи и письма». Новосибирск, 1978; «Сибирские страницы». Иркутск, 1988), статьи, в том числе и написанные в последние годы жизни декабристоведческие работы. Среди них и такая значительная, как «Затерянные и утраченные произведения декабристов», вышедшая в серии «Литературное наследие» (1954. Т. 59). По прошествии 10 лет можно утверждать, что поток посмертных публикаций хотя и не столь обилен, но все же явно не иссякает. Продолжалась публикация эпистолярного наследия М.К. Азадовского (далеко не исчерпанного). Самым значительным явлением в этой сфере стал сборник «Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954» (М., 1998).

В 1998 г. в серии «Литературные памятники» вышел двухтомник «Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым» (СПб., 1998. Т. 1. 500 с; Т. 2. 655 с.), посвященный 110-летию со дня рождения М.К. Азадовского, в семинаре которого еще в первые послевоенные годы началась работа над этим классическим сборником русского фольклора. И наконец, издательство Иркутского университета, профессором которого ученый был в годы своей молодости, а затем в годы Отечественной войны, издало книгу «Воспоминания о М.К. Азадовском».

Составитель сборника И.З. Ярневский был доцентом Кафедры русской литературы Бурятского пединститута. Он начал свою работу над ним в середине 1980-х годов. В выходных данных книги значится 1996 г. Дело не только в том, что составление сборника оказалось сложным (учеников и сотрудников М.К. Азадовского с каждым годом становилось все меньше и меньше). В 1991 г. жизнь И.З. Ярневского трагически оборвалась: он скончался после двух сложнейших операций. Трагической оказалась и судьба книги. Она была отпечатана в 1996 г. в одной из типографий Омска, однако у Иркутского университета не оказалось денег для оплаты типографских расходов. К концу 1998 г. книга все еще не дошла до читателей, если не считать нескольких случайных авторских экземпляров. Начали появляться первые рецензии. Книга существует и как бы не существует, потому что пребывание на складе типографии не есть нормальное существование книги.

В сборник вошло 16 воспоминаний учеников, сотрудников или близких М.К. Азадовскому лиц: его учеников 1920-х годов по Институту народного образования в Чите (О.Г. Петровская) и Иркутскому университету (Ф.А. Кудрявцев, Г.Ф. Кунгуров), сибирского поэта А.С. Ольхона, студентов и аспирантов Ленинградского университета предвоенных и первых послевоенных лет (В.С. Бахтин, Д.Б. Кацнельсон, Д.М. Молдавский, И.П. Лупанова, К.В. Чистов), слушателей Иркутского университета военного времени (Е.В. Баранникова, В.А. Ковалев, В.П. Трушкин, Л.В. Черных), сотрудников М.К. Азадовского послевоенного времени (Б.Н. Путилов), А.И. Малюгиной, общавшейся и переписывавшейся с ним, жены М.К. Азадовского – Л.В. Азадовской и их родственницы Г.К. Кислинской. Перечень участников сборника уже сам по себе характерен: он отразил широту интересов и научных связей М.К. Азадовского. Среди них – фольклористы, литературоведы, историки, литературные критики С.-Петербурга, Москвы, Карелии, Башкирии, Волгограда, Украины и, разумеется, Сибири.

Следует отметить весьма ценные приложения к сборнику: примечания, разъясняющие некоторые пассажи воспоминаний, сведения об их авторах и два до сих пор не публиковавшихся, но весьма примечательных документа: письма М.К. Азадовского к Президенту Академии наук СССР С.И. Вавилову (1949 г.) и проф. С.В. Баранову (1950 г.), в то время депутату Верховного Совета СССР от Иркутской обл. Оба письма связаны со стремлением М.К. Азадовского защититься от нелепых и облыжных обвинений в разгар «борьбы с космополитизмом». Эти трагические документы, характеризующие вторую половину 1940-х годов, необычайно выразительны. От одного из крупнейших ученых-гуманитариев требовали публичного покаяния («самокритики»), признания в ошибках, которых он не совершал. Отказ от подобного самобичевания грозил увольнением с работы (что и случилось) и запретом публиковаться, а может быть и более жестокими репрессивными мерами – ожидать можно было всего! В этой ситуации М.К. Азадовскому пришлось хотя бы в самой общей форме признать, что у него были некоторые «ошибки», но, разумеется, решительно отвергнуть выводящиеся из них политические обвинения.

Воспоминания учеников и коллег М.К. Азадовского проникнуты любовью, теплотой и уважением к нему. В их мемуарных зарисовках он предстает не только выдающимся ученым и педагогом, но и человеком глубоко нравственным, требовательным к себе и окружающим, оказавшим сильное влияние на научное и гражданское формирование своих учеников и сотрудников.

Авторы отмечают, что в деятельности М.К. Азадовского сочетались основные формы научной активности фольклориста: сборание, издание и исследование фольклора. Особенно ярко это проявилось в сборании и исследовании сказки. М.К. Азадовский был сказковедом мирового масштаба. Ему принадлежали открытия выдающихся русских сказочников-сибиряков: Н.О. Винокуровой, Ф.М. Аксаментова, Магая (И.Е. Сорокиной) и др. – и исследование их творчества. По его инициативе в предвоенные годы была опубликована целая серия сборников сказок из разных районов расселения русских. Многие из них составлялись по его программе и выходили под его редакцией, включая собрания сказок крупнейших сказочников – таких, как М.М. Коргуев («Сказки М.М. Коргуева». Кн. I и II, Петрозаводск, 1939) и Ф.П. Господарева («Сказки Ф.П. Господарева», Петрозаводск, 1941).

Учеников М.К. Азадовского особенно привлекало то, что фольклор он понимал как живое исполнительское искусство, а не как застывшую механистически воспроизводимую традицию. Он стремился не только уловить отдельные особенности более или менее случайных эпизодов, обмолвок и ошибок, но и изучить особенности исполнительской манеры как своеобразную мотивированную систему. Именно поэтому в мировую фольклористику вошло его блестящее исследование о сибирской сказочнице Н.О. Винокуровой¹, которое частями публиковалось в ряде предвоенных изданий, однако целиком на русском языке впервые появилось только в 1978 г. в упоминавшемся выше сборнике «Статьи и письма». Весьма широкую известность, преимущественно в славянских странах у зарубежных славистов, получили и двухтомник «Русская сказка. Избранные мастера» (Л., 1929) и изданный М.К. Азадовским на чешском языке сборник «Сказки Верхнеленского края»².

Коллективные сборники, подобные рецензируемым, всегда ценны своей многосторонностью, но вместе с тем они неизбежно мозаичны. Отдавая должное составителю, надо признать, что его краткое предисловие (по причинам, о которых говорилось выше) дало мало нового по сравнению с публиковавшимися ранее статьями о научной деятельности М.К. Азадовского (В.М. Жирмунского, Б.Н. Путилова, М.Я. Мельц, Э.В. Померанцевой, К.В. Чистова и др.). Отчасти это компенсируется воспоминаниями В.С. Бахтина, написанными очень живо и с хорошим знанием дела. Вместе с тем несомненно, что сборник имеет фундаментальное значение для постижения истории и научных заслуг М.К. Азадовского в целом ряде разделов истории нашей фольклористики (о чем по преимуществу говорится в настоящей рецензии), литературоведения, сибиреведения, этнографии. Он будет незаменимым источником для будущего автора монографии о нем, которая так нужна была бы всем, кого интересует наследие М.К. Азадовского.

Мемуаристы отмечают также особые заслуги М.К. Азадовского в изучении историографии фольклора. Как справедливо отмечает Б.Н. Путилов, М.К. Азадовский был одним из ученых, сформировавшим методологическую и теоретическую базу отечественной фольклористики. Его историческая заслуга заключалась во фронтальном осмыслении всего, что в отечественной культуре XVIII – начала XX в. было сделано в сферах, так или иначе касавшихся фольклора. На этой прочной основе разрабатывалось само понятие «русская фольклористика». Собираение и изучение фольклора в знаменитом двухтомнике «История русской фольклористики» рассматривались исследователем на широком фоне не только русской, но и европейской (особенно славянской) общественной мысли и литературы. Все авторы воспоминаний неизменно говорят также о большой роли, которую играл М.К. Азадовский в организации отечественной фольклористики в 20-

40-х годах нашего века. Он создал Отдел фольклора в Институте этнографии АН СССР, впоследствии перешедший в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Кафедру фольклора Ленинградского университета, был одним из организаторов журнала «Сибирская живая старина» (1923–1929), сборников «Советский фольклор» (1934–1941), инициатором многих фольклористических конференций и, наконец, просто постоянным центром притяжения фольклористов из разных районов и республик Советского Союза, неизменным добрым советчиком и авторитетным консультантом.

Оценивая сборник, нельзя обойти вниманием также следующее обстоятельство. Проблема роли, функции и типологии исполнителя фольклора, столь активно разрабатывавшаяся в свое время, в 1950–1960-е и последующие годы стала заметно меньше интересовать сформировавшиеся тогда поколения ученых. Почему же это произошло? Обратимся к свидетельству Ю.М. Лотмана, одного из бесспорных лидеров нашей филологии второй половины XX в. В посмертно опубликованной статье «Двойные портреты» («Лотмановский сборник». М., 1997) в разделе «Азадовский и Пропп: два подхода» он пишет: «При том бесспорном уважении и даже любви, которую вызывал у нас М.К. Азадовский в 50-е гг., нам более импонировал В.Я. Пропп». И далее: «...основополагатели отечественной семиотики Азадовского фактически обошли своим внимание. Модели тогда интересовали больше, чем тексты». И наконец: «В настоящее время, не принося ни в малейшей степени блестящих идей В.Я. Проппа, нельзя не заметить, что подход М.К. Азадовского представляется более актуальным» (с. 65). Говоря о взаимодополнительности этих двух направлений (от кода или структуры к тексту и от текста в его реальном функционировании к общим закономерностям), Ю.М. Лотман заключает: «В отношении между структурой и текстом следует ввести еще третий элемент: того, кто в этом отношении участвует, – человека», т.е. снова выдвигает традиционную проблему варьирования и актуализации традиции, ее реального пульсирования, ее реализации исполнителем. Заметим, кстати, что, не занимаясь ни экспедиционными сборами, ни полевыми наблюдениями, ни изучением деятельности исполнителей фольклора, В.Я. Пропп в свой университетский курс «Русская сказка» ввел раздел «Бытование сказки» (Л., 1984. С. 316–333), содержащий параграфы «Вопрос о типах сказочников» и «Некоторые крупные мастера», что яснее ясного свидетельствует о том, что проблемы, связанные с реализацией традиции мастерами, не представлялись ему противоречащими его основной концепции и что он признавал достижения в этой области и считал необходимым сообщить о них студентам.

Теперь мы уже можем сказать, что предсказание Ю.М. Лотмана сбывается. Интерес к проблеме исполнителя снова нарастает. Это сказывается как в отдельных книжных изданиях и сборниках (см. исследования Е.И. Шастиной, Ю.А. Новикова, Н.Г. Черняевой, Б.Н. Путилова, К.В. Чистова и др.), так и в тематике теоретических конференций последних лет в США, С.-Петербурге, Якутске, Киеве, Петрозаводске. В 1999 г. в Петрозаводске и Кижях планируется конференция на тему «Мастер в народной художественной традиции Русского Севера».

Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия, в которых создавался сборник воспоминаний о М.К. Азадовском, он, несомненно, станет заметным явлением в русской и мировой историографии фольклористики. Кроме того, он, вероятно, будет способствовать возрождению интереса к одной из важнейших проблем фольклористики – проблеме исполнителя фольклора на современном этапе.

Примечания

¹ *Azadowski M. Eine sibirische Marchenerzählerin. Helsinki, 1926. 70 s.*

² *Pohadky Hrnolenskeho Kraje. Pr., 1928–1929.*

Н.Е. Мазалова, К.В. Чистов

© 1999 г., ЭО, № 4

А.Г. Селезнев. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994. 176 с.

Этногенетические исследования в современной этнологической науке при существующем уровне общественного сознания перспективны с научной точки зрения и актуальны в национально-политическом аспекте. Происхождение любого народа вызывает интерес как у исследователей конкретного этноса, так и у его